

Евгений Гребень

Принудительный труд в Германии по воспоминаниям белорусских остарбайтеров

Ключевые слова: остарбайтеры, Германия, устная история, воспоминания

Key words: Ostarbeiters, Germany, oral history, memoirs

Проблема принудительного труда достаточно полно исследована на постсоветском пространстве, в том числе в белорусской историографии [1–2; 12]. Воспоминания остарбайтеров включены в научный оборот в меньшей степени и представлены книгами их воспоминаний [13]. Потенциал устной истории для изучения проблемы принудительного труда белорусских граждан использован не в полной мере.

Устные источники дают возможность реконструировать механизм отправки рабочей силы в Германию. Сельские жители становились остарбайтерами чаще всего в результате карательных операций немцев против партизан, причем нередко статус остарбайтера становился альтернативой физическому уничтожению, которому подвергались нетрудоспособные и часть трудоспособных граждан, проживавших в зоне проведения карательной операции (некоторые граждане соглашались ехать в Германию, чтобы их не расстреляли как семьи партизан). После захвата гражданских лиц на территории Витебской области, где проживало большинство опрошенных, отобранных на работу в Германию отправляли в сборный лагерь в город Борисов или содержали до отправки в концентрационном лагере «5-ый полк» в городе Витебск [5; 6; 9; 10; 11]. Отправка в Германию происходила также во время отступления немцев, которые эвакуировали гражданское население из оставляемых ими районов. Только в одном случае гражданка сообщила, что была назначена на работу в Германию солтысом (старостой – Е.Г.) [7]. Все опрошенные упоминают перевозку в «телятниках», длившуюся до недели. В дороге, как правило, не кормили или выдавали мизерное количество хлеба, в некоторых случаях разрешали на станциях взять кипяток [5–11].

Первым впечатлением о Германии стала процедура распределения рабочих. Перед попаданием в немецкое крестьянское хозяйство остарбайтеры могли какое-то время содержаться в лагере, где проходили санобработку. В лагере было исключительно плохое питание: «баланда» из

редьки, суп из концентрата желтого цвета, воспоминания о котором до сих пор неприятны [6].

Положение оstarбайтеров, попавших работать в сельское хозяйство, зависело от личности немецких хозяев. Условия труда были тяжелые, но привычные для сельских жителей («делал то же, что и в колхозе») [9]. У некоторых хозяев было организовано нормальное питание, оstarбайтеры ели с ними за одним столом, выплачивалась заработная плата. Правда, по воспоминаниям оstarбайтеров, они практически не имели возможности и необходимости как-либо тратить заработанные деньги. Досуг сельских рабочих, как правило, заключался просто в отдыхе и в общении с оstarбайтерами из соседних крестьянских хозяйств [6–7; 9; 10]. Некоторые хозяева даже уговаривали своих рабочих после окончания войны остаться [6]. Нагрудный знак «OST» сельские рабочие не носили, но знали о существовании такого у рабочих, занятых в промышленности.

В других крестьянских хозяйствах положение оstarбайтеров было тяжелым. Даже если их и не били (хотя побои могли быть повседневной практикой), оstarбайтеры сталкивались с регулярной руганью и оскорблениями со стороны немцев [3]. Н. Подобед, которая попала вместе с семьей к одному немецкому крестьянину, описывает положение такими словами: «...морили голодом, думали, умрем». Позднее, попав к другому хозяину, она и ее родственники сталкивались со стороны немцев с акцентированием расовой неполноценности оstarбайтеров. Работавший рядом с ними 16-летний немецкий батрак надеялся получить землю на Украине после войны, Беларусь его не интересовала, потому что «там камни», а население, по его мнению, нужно уничтожить [10].

Совершенно иная повседневность предстает в воспоминаниях оstarбайтеров, содержащихся в трудовых лагерях и занятых на работах в промышленности. Реалиями повседневности стала жизнь в трудовых лагерях под охраной за колючей проволокой. Типичный продуктовый паек состоял из маленького куса хлеба и жидкого супа, морковного чая. Е. Гнивицкая вспоминает, что раз в неделю их кормили «какими-то белыми червями, похожими на личинки майского жука». Постоянный голод провоцировал оstarбайтеров на воровство продуктов с кухни, за что немцы их избивали. Одной из рабочих приходилось воровать еду из миски собаки [5–7; 11]. Постоянной практикой были побои и оскорбления со стороны немецких мастеров и охраны [5; 11].

Занятые в промышленности оstarбайтеры использовались в качестве чернорабочих, выполняли операции, требовавшие минимальных

навыков, например, покраску мин. Многие работали на военных предприятиях и осознавали тот факт, что продукция будет использована против своих. Оборонные предприятия регулярно бомбились авиацией союзников, приводя к гибели рабочих. Е. Гнивицкой запомнился термин тревоги («алярма»). Она же рассказывает, как во время одной из бомбардировок оборонного предприятия в западной Германии была повреждена плотина, и волной смыло лагерь [5].

Наиболее тяжелые воспоминания связаны с лагерем Освенцим. В воспоминаниях попавшей туда Г. Буйницкой поражает спокойное восприятие смерти, рассказ о крематории как о чем-то обыденном. Постоянное ожидание смерти вызывало эмоциональное «выгорание» людей [4]. В трудовые лагеря восточные рабочие могли перенаправляться из крестьянских хозяйств, например, на строительство оборонительных сооружений [7]. В лагерях также проживали нетрудоспособные члены семей оstarбайтеров. З. Карпович характеризует получаемый ими продуктовый рацион как 50-граммовую порцию плохо пропеченного овсяного хлеба и ведро супа на 5 человек. Оstarбайтеры замечали, что иностранные рабочие получали из дома посылки и выбрасывали испортившиеся продукты, которые подбирались оstarбайтерами, так же как и картофельные очистки [8]. Многие опрошенные отмечают разницу в положении оstarбайтеров и рабочих из других стран Европы, как гражданских, так и военнопленных, которые получали посылки Красного Креста и к которым лучше относились [5; 7–9]. Вопреки декларируемой в немецких агитационных материалах возможности переписки с родными, в воспоминаниях оstarбайтеров письма домой фигурируют крайне редко, про них просто упоминают лишь отдельные опрошенные, которые сами такой возможности не имели [3; 7]. Оплата труда в промышленности или отсутствовала, или выдавались мизерные суммы, на которые девушки покупали в лагере дешевую бижутерию [5; 11].

Отдельные оstarбайтеры предпринимали попытки бежать, причем даже из западной Германии. Не осознавая нереальность задуманного, они шли на восток. Естественно, во время пути их ловили и отправляли назад. До отправки в лагерь любой задержавший беглецов немец мог их эксплуатировать в своем хозяйстве [5].

По ряду косвенных признаков оstarбайтеры замечали приближение окончания войны: послабление лагерного режима (рабочих стали выпускать из лагеря по воскресным дням), изменение отношения со стороны немцев. Пользуясь временной свободой, оstarбайтеры искали в мусор-

ных контейнерах выброшенную одежду и перешивали на себя, искали еду (лазили в огороды, воровали молоко из бидонов, которые крестьяне оставляли у дорог, просили еду у немцев [5; 11].

Упомянутый оstarбайтерами языковой барьер, с одной стороны, затруднял коммуникацию с местными жителями, с другой стороны — давал возможность открыто и безнаказанно ругать немецких надзирателей на родном языке, выплескивая накопившуюся ненависть [11]. В то же время продолжительное пребывание в чуждой языковой среде, необходимость повседневных контактов с немцами в процессе работы вынуждали многих учиться говорить по-немецки [3; 9–10].

После освобождения большинство оstarбайтеров оказались в сборных лагерях в английской или американской зонах оккупации. С положительной стороны запомнились условия содержания в лагерях союзников. Все опрошенные отмечают хорошее питание, контрастировавшее с полуголодным существованием у немцев и скромным снабжением в советской зоне оккупации [5–6; 9–11]. Иногда немцы нанимали бывших оstarбайтеров на работу за оплату. М. Петько вспоминает случаи мародерства по отношению к немецкому населению, которым занимались западные украинцы, подкупавшие охрану и выходившие по ночам из английского лагеря [9]. З. Карпович вспоминает, что американцы предлагали ехать куда кто пожелает, что в лагерь приезжал советский агитатор, убеждавший без страха возвращаться домой [8].

Повседневность в советской зоне оккупации контрастировала с жизнью в зоне оккупации союзников. В первой было значительно хуже в материальном плане. Бывшие оstarбайтеры подвергались грабегам со стороны советских солдат (З. Карпович вспоминает, что «за Эльбой русские у нас все отобрали»). Достаточно медленно проходила репатриация, хотя советские представители и пытались объяснять причины этого тем, что в СССР вывозятся материальные ценности в качестве репараций. В советской зоне оккупации оstarбайтеры привлекались к различным работам [3; 7–8]. Оstarбайтеры призывного возраста подлежали мобилизации. Стратегией выживания для некоторых из них стало сознательное уменьшение возраста во время прохождения фильтрации с целью избежать призыва. Не призванные в армию молодые люди могли отправляться в составе трудовых батальонов на стройки в СССР. Условия труда и быта там характеризовались исключительно плохо на фоне относительно благополучного существования у бауэра (немецкого крестьянина)[9].

Иногда освобождение давало возможность наказать врага. Союзники спрашивали, кто виновен, обещали их наказать. Заставляли лагерфюреров извиняться перед рабочими [8; 10]. Н. Подобед и ее семья, имевшая возможность отомстить эксплуатировавшему ее хозяину, не сделала этого: «Пусть живет. Они (немецкие хозяева — Е.Г.) не виноваты, что нас пригнали» [10]. У бывших принудительных рабочих не было понимания того, что рядовые немцы косвенно виновны в распространении нацистской идеологии, в становлении нацистской диктатуры, в несопротивлении нацизму.

На родине репатрианты попали в тяжелейшие социально-экономические условия. Реалиями постоккупационной повседневности стали сожженные деревни и голод. В такой ситуации некоторые жители из восточной Беларуси ехали в западную часть республики и нанимались в качестве поденных рабочих [3]. Некоторым из бывших остарбайтеров после войны приходилось скрывать, что они были в Германии [6].

Даже на фоне жестокой оккупационной повседневности отправка на принудительные работы в Германию стала одним из самых тяжелых периодов в жизни граждан, ставших остарбайтерами. Память людей, познавших принудительный труд, зафиксировала множество мельчайших подробностей жизни и быта в Германии. С одной стороны, воспоминания остарбайтеров дают общее представление об исключительно тяжелом положении белорусов в Германии, с другой стороны, воспоминания конкретного человека индивидуальны, в деталях отличаются от воспоминаний других людей, попавших в аналогичную ситуацию. Данное обстоятельство позволяет с высокой степенью достоверности реконструировать объективную картину жизни белорусских граждан в нацистской Германии.

Источники и литература

1. *Белорусские остарбайтеры: Историко-аналит. исследование.* Под ред. Г.Д. Кнатько. Минск: НАРБ, 2003. 324 с.
2. *Белорусские остарбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы.* В 2 кн. – Сост. Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко и др. Минск: НАРБ, 1996–1997. (Цитаты даны по первой книге.)
3. Воспоминания Борисенко Валентины Якимовны, записаны М. Чевтаевой, 2 июня 2008 года в г. Смолевичи, аудиозапись (34 минуты на русском языке) хранится в личном архиве автора.

4. Воспоминания Буйницкой Галины Никифоровны, записаны А. Стельмах в дер. Савин дуб Лепельского района, 9 июля 2009 года, аудиозапись (1 час 12 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
5. Воспоминания Гнивицкой Евгении Васильевны, записаны Е. Гребенем в дер. Сосновка Витебского района, 24 августа 2009 года, аудиозапись (1 час 4 минуты на русском языке) хранится в личном архиве автора.
6. Воспоминания Дединкиной Зинаиды Ермолаевны, записаны Е. Гребенем в дер. Малые Трубачи Витебского района, 24 августа 2009 года, аудиозапись (1 час 21 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
7. Воспоминания Жук Ольги Максимовны, записаны Н. Шидлович в дер. Матвеевичи Березовского района, 1 января 2009 года, аудиозапись (31 минута на русском языке) хранится в личном архиве автора.
8. Воспоминания Карпович Зинаиды Ивановны, записаны В. Коршун в Вилейском районе, 1 января 2005 года, аудиозапись (43 минуты на русском языке) хранится в личном архиве автора.
9. Воспоминания Петько Михаила Иосифовича, записаны Е. Гребенем в дер. Велевщина Лепельского района, 10 июля 2009 года, аудиозапись (44 минуты на русском языке) хранится в личном архиве автора.
10. Воспоминания Подобед Надежды Дмитриевны, записаны Е. Гребенем в дер. Велевщина Лепельского района, 10 июля 2009 года, аудиозапись (1 час 11 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
11. Воспоминания Тарасевич Валентины Филипповны, записаны Е. Гребенем в дер. Велевщина Лепельского района, 10 июля 2009 года, аудиозапись (1 час 11 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
12. *Вяртанне ў рабства: Прымуsoвая праца насельніцтва Беларусі 1941–1945 гг.* Сост. А.М. Літвін, Я.А. Грэбень, С.Я. Новікаў; агул. рэд. А.М. Літвіна; пер. В.А. Лойка, С.П. Паўлавіцкі. Мінск: Тэсей, 2010. 584 с.
13. Грыбаў М.М. *Запіскі оstarбайтэра*. Брэст: Акадэмія, 2005. 228 с.; Кузнецов М. *Это тоже наша история: Национал-социализм глазами малолетнего узника. Исповедь о пережитом*. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. 386 с.

Kopsavilkums

Piespiedu darbs Vācijā baltkrievu ostarbeiteru atmiņās

Mūsdienu baltkrievu historiogrāfijā baltkrievu pilsoņu piespiedu darba problēma nacistiskajā Vācijā ir diezgan pētīta. Zinātniskajā aprītē rodams ievērojams jaunu dokumentu masīvs, par šo tēmu publicēti raksti un mono-grāfijas, virkne ostarbeiteru atmiņu. Tajā pašā laikā var konstatēt, ka nepilnā apjomā tiek izmantots mutvārdu vēstures potenciāls. Baltkrievu pilsoņu, kuri strādāja piespiedu darbos, atmiņas ļauj detalizētāk rekonstruēt viņu dzīves apstākļus nacistiskajā Vācijā. Aculiecinieku atmiņas ļauj noteikt kopējo un atšķirīgo dažādu ostarbeiteru kategoriju stāvokli reihā, atklāt izdzīvošanas mehānismus ekstremālos apstākļos.

Summary

Forced Labor in Germany in Recollections of Belarusian Ostarbeiters

Modern Belarusian historiography devotes meticulous attention to the problem of the forced labor of Belarusian citizens in the territory of Nazi Germany. A considerable amount of new documents have been introduced in scientific circulation, the articles and research works dedicated to this problem have been published, and the memoirs of Ostarbeiters have been published. At the same time, it goes without saying that the potentials of oral history have not been studied thoroughly; meanwhile, the recollections of Belarusian citizens who were forced to work in the Reich help us to reconstruct the life of Belarusian citizens in Nazi Germany. These recollections provide an opportunity to reveal the similarities and differences among various categories of Ostarbeiters in the Reich, as well as to define survival strategies of the forced workers in extreme conditions.